

УДК 316.334:422

И. А. Дышлевой

канд. социол. наук, ассистент кафедры социальных теорий факультета правовой политологии и социологии Национального университета «Одесская юридическая академия», к. 404, ул. Пионерская, 2, г. Одесса, 65009, Украина тел. (048) 719 88 07, e-mail: dyshlevyi@yandex.ru

ОБРЕТЕНИЕ СВОБОДЫ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СВОБОДЫ

В статье рассматриваются социальные процессы, связанные с обретением свободы и функционированием свободы в контексте социальных изменений, в особенности — модернизационных. Обретение свободы характеризуется через «освобождение» социальных субъектов в форме признания и реализации естественных прав человека, а функционирование свободы — через «закрепощение» акторов в русле ответственности, властного надзора и контроля. Свобода представляется в своей социальной неоднозначности. **Ключевые слова:** свобода, «освобождение», «закрепощение», «бегство от свободы», социальные изменения, формы знания-власти, естественные права человека.

Постановка и актуальность проблемы. Основная задача социолога — это диагностика и врачевание общества. Социальные изменения и социальное развитие общества в целом и его отдельных подсистем неразрывно связаны с феноменом свободы. Об этом свидетельствует **историческая генеалогия власти:** признание естественных прав человека в национальных и международных правовых документах, сокращение прямых карательных форм надзора и контроля со стороны государственных институтов, повышение роли самоорганизации субъектов и возрастание оформленности социальной активности групп в институтах гражданского общества. Данные изменения в социальных отношениях по оси государство-субъект являются процессами и результатами **борьбы различных социальных групп за свободу.**

Свобода — открытая категория, ее формулировки чрезвычайно гибкие даже в рамках сформированных дискурсов — эпистемологически оформленных систем появления и проявления представлений о мире. Свобода — условие развития самых различных полей социальных отношений и взаимодействий, начиная от деятельности социальных институтов и заканчивая социальными объективациями в межличностных отношениях. Но «избыток» свободы в смысле отсутствия ее связанности с ответственностью может быть результатом таких социальных процессов «освобождения», которые ликвидируют прежние формы и технологии властного контроля и порядка, но не приводят к созданию новых форм упорядочивания социальной системы общества и новых технологий власти. Данный «избыток» свободы порождается отсутствием уравнивания «закрепо-

пцием» процессов «освобождения», как бы парадоксально это не звучало. Данная «избыточность» свободы способна породить деструкцию в самых различных социальных системах — от фактического бесправия граждан, «беспредела» и анархии на уровне государственного управления и технологической политической власти вплоть до дезинтеграционных, разрушительных процессов в межличностных отношениях (рост агрессии и насилия, пренебрежение другим человеком, например, отсутствие чувства долга в любовных и дружеских отношениях, предательство, умышленное заражение сексуальных партнеров ВИЧ). От соотношения процессов «освобождения» и «закрепощения» зависит характер социальных изменений в обществе, в особенности — модернизационных.

Обретение свободы проявляется главным образом через социальные процессы «освобождения». Функционирование свободы характеризуется в первую очередь соотношением социальных процессов «закрепощения» и «освобождения». Проблемная ситуация данного исследования определяется через понятия «освобождения» и «закрепощения», служащие ориентиром в социологическом рассмотрении обретения свободы и ее функционирования.

Под «освобождением» можно понимать социальную борьбу за свободу, являющуюся основным путем формирования социально-исторических форм свободы как социального феномена, обеспечивающего целостность общества, преобладание естественных прав человека над интересами государства и различными формами знания-власти в контексте одновременной рационализации и хаотизации социальных отношений, а также преимущество личного выбора актора перед ценностными ориентациями на «общее благо» в ракурсе прагматизации и гедонизации социальных взаимодействий. Обратной стороной «освобождения» является «закрепощение».

«**Закрепощение**» можно понимать как усиление «кар» и ритуальной жестокости государя в средневековых обществах и увеличение не прямых властных форм надзора и контроля за социальными субъектами через дифференцирующиеся формы знания в модернизирующихся обществах и обществах модерна. Является социальным феноменом, сдерживающим «освобождение» и обеспечивающим его исторически прерывные проявления.

Под **модернизацией** понимается совокупность социальных процессов, направленных в первую очередь на становление институтов либеральной демократии (прав человека, правового государства, гражданского общества) в социуме с сопутствующим утверждением процедурных механизмов реализации естественных прав человека. Образ и стиль жизни акторов становятся все более разнообразными. Предполагается, что модернизация осуществляется не только в посттоталитарных, транзитных обществах, но и в обществах модерна.

Под **формами знания-власти** можно понимать сочетания изменяющихся и дифференцирующихся правовых, политических, религиозных, медицинских (психиатрических) дискурсов (оформленных систем познания и представлений) с явными и сокрытыми технологиями власти для их объяснения и оправдания.

Поняття «**бегство от свободы**» сформулировано в рамках концепції Еріха Фромма і означає добровільне перекладывание індивідами і групами відповідальності за власну життя, успіхи і невдачі в неї на властні інститути общства і відмова від самостійності і автономії. Данне поняття передполагає розуміння свободи в якості прийняття суб'єктом самостійної відповідальності за свій життєвий успіх.

Проблемна ситуація дослідження заключається в протиріччях між процесами «освобождения» і «закрепощения», породжуючими або такі шляхи автономізації соціальних суб'єктів, для яких характерно зняття будь-яких обмежень при здійсненні влади і особистого вибору (в випадку «избытка» свободи як результату «освобождения», не супроводженого з «закрепощением»), зростання ізоляції суб'єктів, або отримання визначальної ролі карательної складової в впливі держави на соціальних суб'єктів і їх усвідомлене «бегство от свободы» (в випадку поглинання «закрепощением» «освобождения»). Таким чином, дані протиріччя задають диспропорційності в соціальних змінах общства або в сторону неконтрольованої свободи, або в площину тотальної відповідальності.

Актуальність проблеми дослідження складається в необхідності погодженості процесів «освобождения» і «закрепощения» в контексті соціальних змін в общстві, особливо в ході модернізаційних змін, супроводжуваних суттєвим зростанням глибини і інтенсивності «освобождения» і складнощами пошуку і впровадження форм «закрепощения», які б забезпечували зв'язок свободи з відповідальністю, не викликаючи стійкого відторгнення у все більш індивідуалізовані акторів. Актуальність даної проблеми виключає однозначну негативну смисловою конотацію поняття «закрепощение», побуджуючи до переосмислення значення соціальних процесів «закрепощения» як форм властного контролю і нагляду, содействующих соціальної інтеграції сучасних неперервно змінюваних в руслі модернізації общств.

Уровень разработанности проблемы в научной литературе. Розгляд проблем, зв'язаних з процесами «освобождения» і «закрепощения», має тривалу міждисциплінарну традицію. Феномен свободи і безпосередньо зв'язані з ним процеси «освобождения» і «закрепощения» ізначально і переважно рефлексировались в рамках філософії. Філософський погляд на дану проблематику акцентує увагу на свободі волі суб'єкта, відношенні суб'єктивності і свободи, субстанціональної зв'язок свободи з природними правами людини і з почуттям обов'язку, розуміюваному як відповідальність. В юриспруденції процеси «освобождения» і «закрепощения» аналізуються з позиції «дозволеного» законодавством, а також з точки зору зменшення або збільшення санкцій за те або інші діяння суб'єктів. В соціології можливий аналіз проблематики «освобождения» і «закрепощения» з точки зору процесуальної сторони «соціального», процесів соціальної інтеграції-деінтеграції, феноменів толерантності-інтолерантності,

социальных возможностей и условий воплощения естественных прав человека в законодательстве и их реализации в социальных взаимодействиях субъектов.

Подход Мишеля Фуко [5] позволяет интроспективно описывать различные социально-исторические направления «освобождения» и формы свободы как «памятник», прибегая в социологическом рассмотрении «освобождения» к методу «археологического описания». «Археологическое описание» социально-исторических форм «освобождения» позволяет анализировать **прерывную и нелинейную** динамику модернизации общества с точки зрения становления в нем институтов либеральной демократии (прав человека, правового государства и гражданского общества), а также с позиции возрастания сокрытых соотношений между различными формами знания и личным выбором актора. Также в рамках концепции М. Фуко [6; 7] процессы «освобождения» и «закрепощения» связываются с исторической генеалогией власти в ее технологиях и механизмах, а также с формированием представлений о свободе в меняющихся дискурсах, в которых через структуру объектов, концептов, актов высказывания и теоретических стратегий формируются и задаются представления о прерывных фрагментах мира.

Проблемы «освобождения» и «закрепощения» рассматриваются Эрихом Фроммом [4] в ракурсе выделения и анализа феномена «бегства от свободы», характерного для обществ, социальные изменения в которых идут в направлении, противоположном модернизации: в русле превращения общества в закрытое, тоталитарное с несвободными индивидами.

В своих подходах современные украинские социологи Евгений Головаха и Наталия Панина [2] рассматривают социальные процессы, связанные с «освобождением» и «закрепощением» социальных субъектов, в контексте посткоммунистических социальных трансформаций в Украине, сосредотачивая внимание на изменениях социальных институтов и сложностях преодоления посттоталитарной аномии, негативизма в социальном самочувствии.

Выделенные наиболее основные с точки зрения проблемной ситуации настоящего исследования теоретические плоскости рассмотрения социальных процессов, связанных с «освобождением» и «закрепощением», свидетельствуют о высокой актуализированности данных процессов в философском и социологическом познании и важны для их дальнейшего социологического изучения с точки зрения социальных изменений в обществе.

Нерешенными прежде частями указанной выше проблемной ситуации являются противоречия, возникающие между социальными процессами «освобождения» и «закрепощения» по следующим осям: естественные права человека — властный контроль и надзор; модернизация — дезинтеграция; «избыток» свободы — уважение человеческого достоинства. В рамках данных дихотомий в данной статье анализируются «освобождение» и «закрепощение», выступающие процессуальными сторонами социального феномена свободы, который задает и характеризует социальные изменения.

Основной целью данной статьи является предварительный анализ противоречий между процессами «освобождения» и «закрепощения» в контексте возникновения дисбалансов между границами личного выбора акторов и воздействием властных структур в ходе социальных изменений.

Социальные процессы «освобождения» по оси власть — граждане. «Освобождение» в социальных отношениях по оси власть — граждане обеспечивается прямым (выборы, референдумы) и непрямым (деятельность представительных органов власти) политическим участием граждан в осуществлении власти [9]. Более высокие темпы «освобождения» предполагают все большее гражданское участие в разработке и принятии управленческих решений, вплоть до Основного Закона страны. Например, в 2009–2013 годах в Исландии через избранные гражданами Национальную ассамблею и Конституционный совет был подготовлен проект новой Конституции, который поддержали 67 % исландцев на общенациональном референдуме [3]. В данном новом проекте Конституции были заложены расширения многих прав граждан в соответствии с естественно-правовыми положениями, в частности, в области избирательных прав, свободы совести, защиты от различных форм дискриминации, прав на природопользование, «свободы здоровья» (право выбора возможностей собственного лечения и профилактики болезней).

«Освобождение» связано с обретением гражданами все больших прав, с содержательным приближением прав граждан к неотъемлемым, неотчуждаемым правам человека, с последовательным закреплением в «позитивном» праве (законодательстве страны) прав человека [10]. Но различные группы прав в разных обществах и в различные периоды их эволюции и развития играют различную роль в «освобождении».

Реформы являются правовым и политическим образом оформленными социальными изменениями. Англо-американская традиция проведения правительственных реформ предусматривает отпусkanie субъекта в «свободное плавание» после осуществления реформ. Континентальная европейская традиция предполагает в различной степени «ведение за руку» субъекта после осуществления реформ. Тот факт, что США до сих пор не ратифицировали Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), свидетельствует о двух важных вещах: 1. Англо-американская (в большей степени это выражено в США) социально-политическая традиция признает свободу в основном в рамках необходимости обеспечения индивидуалистических прав и интересов. 2. При существующем принципе взаимосвязанности и неделимости прав человека в англо-американской традиции гражданские и политические права все же имеют первостепенное значение и дискурсивно задают свободу (что, например, задействуется международной неправительственной организацией Freedom House).

Специфика ситуации заключается в том, что даже в современных развитых неолиберальных демократиях окончательно не оформлены институциональные механизмы обеспечения прав человека третьего поколения, которыми являются коллективные права, права социальных общностей, в

том числе и права этнических, религиозных меньшинств [8, с. 30]. К правам человека третьего поколения также относятся права ЛГБТ-сообщества (лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров). Механизмы реализации прав человека первого поколения (гражданские и политические права) и второго поколения (экономические, социальные и культурные права) в различной степени сильно институционально оформлены в современных демократиях [8, с. 22–23]. И здесь актуализируется важный вопрос: каков характер необходимости институциональных механизмов обеспечения прав человека третьего поколения для функционирования свободы в современном обществе? В современной Украине в равной степени необходимо институциональное обеспечение различных либеральных преобразований [2, с. 64–65].

Взаимосвязь социальных процессов «освобождения» и «закрепощения» в контексте форм знания-власти. Обретение свободы осуществляется главным образом через «освобождение» социальных субъектов, которое в контексте социальных трансформаций не обладает предзаданностью и не является линейным процессом в сторону свободного общества [9]. Обратной стороной процессов «освобождения» являются процессы «закрепощения», соотношение которых и определяет характеристики функционирования свободы в различных обществах. По мере модернизации общества процессы «закрепощения» по оси власть — граждане смещаются в контекст форм знания-власти, — дискурсов, формируемых интеллектуальной, политической элитой и связанных с властными институтами. В обществе модерна, окончательно ведущего свою историю с XVIII века, идет сокращение «негативных» технологий власти, исключающих инаковость [6, с. 112–113].

«Закрепощение» сопровождается, согласно М. Фуко, наступлением на область «ненормального», сводимого в конечном счете к «монструозности». Более того, «освобождение» и «закрепощение» прямо коррелируют, связаны друг с другом: **чем больше «освобождаются» акторы, тем больше они «закрепощаются»** через «позитивные» технологии власти, вовлекающие в область надзора субъектов в их крайней непохожести. Данные технологии власти изначально базируются на знании-власти психиатрии, контролирующей растущее проявление индивидуализации через телесность субъекта, осуждение и патологизацию его различных сексуальных проявлений [6, с. 330].

В подходе М. Фуко выделено и проанализировано связывание во все более дифференцирующихся дискурсах западных обществ конца XVIII — начала XIX века социальной борьбы, восстаний (борьбы за свободу) граждан, подданных в русле их стремлений к «освобождению» с представлениями властных элит о данных гражданах, подданных как о «монстре». В рамках данных дискурсивных представлений восставшие большие социальные группы относятся к юридическому и нравственному «монстру», разрывающему «общественный договор» между властью и народом, на основании которого распределены полномочия управления в государстве, а также нарушающему законы развития общества вообще [6, с. 126–127]. Также

М. Фуко рассмотрел параллельные этим процессы: связывание в разрозненных массовых мнениях групп, борющихся за свободу, избытка власти правителей, стремящихся все более «закрепостить» граждан, подданных (в истории — нередко через мучительные и изощренные смертные казни, непропорционально, избыточно и ритуально карающие и инсценирующие акты преступлений), с формированием представлений о правителях как о «монстрах», которые своей тиранией явно превышают полномочия, данные им «общественным договором» [6, с. 122–123].

И «монстр»-народ, и «монстр»-правитель являются социальными силами, выпадающими из «общественного тела» и разрывающими представленный в концепциях либерализма «**общественный договор**», закрепляющий естественные для общества принципы и законы сохранения его целостности. Данная двойственная рефлексия (эпистемологически оформленная в дискурсе, с одной стороны, и разрозненная в массовом сознании — с другой стороны) социальных процессов «освобождения» через образы «монстра» особенно характеризует обретение свободы в контексте радикальных социальных изменений, революций [7, с. 249]. Но одновременными данным процессам являются социальные процессы «закрепощения», осуществляемые через смычку с властью различных дискурсов: преимущественно религиозного в Средневековье, начиная с конца XVIII века — начала XIX века — научного, прежде всего, медицинского, в особенности — психиатрического. Начиная со средневекового дискурса относительно практик покаяния и главным образом обряда исповеди и заканчивая оформлением в XIX веке психиатрии и сопутствующих ей дисциплинарных институтов — психиатрических больниц, «позитивные» технологии власти (включающие в пространство властного надзора и контроля различные вариации субъективности) все более стремились подчинить субъекта через его сексуальность и ее проявления в межличностных отношениях, индивидуальных фантазиях. «Негативные» технологии власти преобладали до модернизационных изменений и основывались на исключении из пространства властного надзора и контроля субъектов, отличающихся от многих.

Нравственные противоречия в социальных проявлениях свободы. Ответственность, уважение человеческого достоинства, справедливость, толерантность являются базовыми ценностями, сопутствующими базовой ценности свободы. Толерантность как недопущение дискриминации в правах и возможностях социальных групп является условием свободы в ее современном нелиберальном понимании и требованием к ее нравственному измерению.

Свобода имеет нравственное измерение, которое, помимо ее проявления в отношениях власти, обеспечивает ее социальное функционирование именно как «диффузной» формы «социального» в плоскостях социального порядка и социальных изменений, причем последняя плоскость является определяющей с точки зрения социально-исторической эволюции и модернизации.

Парадоксальность взаимосвязи «освобождения» и «закрепощения» заключается также в том, что фактически «смертные грехи» стимулируют

человека к обретению им сравнительно больших прав и возможностей, а также мотивируют его к созидательной активной деятельности. Именно поэтому ценностно-нормативное измерение свободы амбивалентно, противоречиво: с одной стороны, «освобождение» — обретение свободы — призвано сделать человека и общество более «добродетельными», с другой стороны — «освобождение» влечет за собой уход от «добродетелей», принятых на уровне дискурсов институтов, что очерчивает аксиологические контуры функционирования свободы. Нередко в этом контексте «освобождение» означает становление акторов на путь «смертных грехов» — на путь горделивых достижений и удовольствий. Баланс между «добродетелями» и «пороками» («смертными грехами») в их крайнем выражении в плоскости христианского дискурса) является важным нравственным предназначением свободы.

Свобода как социальный миф обещает «освобождение» (предоставление больших возможностей) без прежних и новых форм «закрепощения» (контроля). Но функционирование свободы как социального феномена предполагает ее двойственность по следующим осям: возможности — условия, «освобождение» — «закрепощение», «грехи» и «пороки» (как возможности и риски вседозволенности одновременно), с одной стороны, и добродетели (как условия необходимые и излишние) — с другой стороны.

В своем романе «Подросток» Федор Достоевский определяет свободу как уединенное и спокойное сознание собственной силы [1, с. 76]. Финансовые ресурсы же, согласно Ф. Достоевскому, не обязательно влекут за собой «освобождение», обретение свободы, поскольку «деньги — это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество» [1, с. 75].

Свобода нередко связывается с переходом субъектом в своем образе жизни граней «дозволенного», что художественно отображено на примере деяний, устремленных к психологическим и телесным удовольствиям, Джона Уилмота (XVII век, Англия) в фильме «Распутник» (Великобритания, 2004 г.). Последующие душевные и физические страдания субъекта от перехода в образе его жизни граней «дозволенного» для получения разнообразных удовольствий в данной кинокартине демонстрируют трагедию свободы вне ответственности.

Полюса и позиции обретения свободы и функционирования свободы. Свобода является одновременно и идеей, и предметом, обитает как в плоскости «духа» времени, так и в плоскости повседневных социальных взаимодействий акторов. Свобода выстраивается по осям следующих **полюсов**: рациональность — иррациональность; абстрактность — практичность; знание — вера; душа — тело. Если в дискурсе свобода преимущественно рационализована, то в общественном мнении свобода зачастую представлена в эмоциональных формах. Рационализация идеи свободы имеет свои эпистемологические этапы, наивысшим из которых является представленность свободы в философском и научном дискурсах [5, с. 185–186]. Через общественное мнение нередко находят свою взаимосвязь дискурсивная и индивидуальная плоскости рефлексии полюсов свободы [11, р. 91]. На уровне отдельного актора свобода балансирует между альтруизмом и эго-

измом, коллективизмом и индивидуализмом [12, р. 103]. В «бегстве от свободы» проявляются обособленность и бессилие индивидов, их отказ от своей индивидуальности и значимости, свобода же предполагает взаимосвязь индивидов на основе проявления их способностей, ответственности и любви [4, с. 118]. При этом социальная функция полезности свободы заключается в солидаризации социальных групп и институтов на основе нахождения баланса между обозначенными полюсами. Данное нахождение баланса зависит от характера влияния форм знания-власти.

Различные акторы разделяют неодинаковые **социальные позиции** относительно оснований «освобождения» и «закрепощения». Одни их видят главным образом в обретении большего числа прав, другие — в финансовых и материальных ресурсах, третьи — в обретении власти, четвертые — в приобщении к духовным ценностям и внутреннем самосовершенствовании, пятые — в любви и глубинных чувственных переживаниях. Недостаток или отсутствие данных оснований либо же наличие негативного социального и личного жизненного опыта в обращении к данным основаниям порождает неприятие форм знания-власти в форме поддержки таких позиций: права человека — это фикция и двойные стандарты; деньги — «зло»; власть развращает; духовные ценности — это «оболванивание»; работа — это рабство; счастье — это лицемерие, есть только мимолетные удовольствия; любви не существует или от нее одни страдания и прочее. В отдельных случаях данные позиции начинают пониматься акторами как условия «закрепощения».

Выводы. Парадоксальность обретения свободы и сопутствующего ей функционирования свободы заключается в сопровождении проявления форм «освобождения» различными формами «закрепощения». Онтология социального феномена свободы в его обретении субъектами и его функционировании предполагает взаимосочетание свободы и несвободы.

Важное теоретико-методологическое значение имеет рассмотрение социальных процессов обретения свободы через социальную борьбу за права, а также анализ функционирования свободы через социальные возможности, условия и ограничения реализации достигнутых прав человека.

«Освобождение» социальных акторов как раз связано со все большим их включением в функционирование прежних или новых социальных структур. «Освобождение» коренится в воле отдельных индивидов и социальных групп, направленной на «улучшение» своего положения в отношениях неравенства, а на уровне социальных взаимодействий — на достижение «гармонии», «любви», все чаще в контексте непрерывной модернизации — на получение удовольствий. Часто эта воля в контексте нравственного измерения свободы связывается с религиозным сознанием и связанной с ним верой в то, что Бог создал людей для гармонии, счастья и любви, а не для обособленности и одиночества. В данном контексте все большее участие во властных институтах рефлексировается как возможность почувствовать и обрести «гармонию» и «любовь», для которых и рождены люди. Но «освобождение» неизменно обладает оборотной стороной — «закрепощением», новыми формами зависимости акторов от властных социальных структур.

Соотнесение прав человека, признанных в ходе обретения свободы, в плоскости реальных возможностей их реализации с властными формами надзора и контроля, определяющими формы зависимости социальных субъектов от интересов властных структур и других субъектов, характеризует функционирование свободы. Обретение свободы и функционирование свободы формулируются на уровне правового, политического, религиозного, медицинского (психиатрического) и других дискурсов, а воспроизводятся в социальных отношениях и взаимодействиях общества в различных плоскостях. Отдельно и дополнительно функционирование свободы в области форм властного надзора и контроля задается формами знания-власти. Обретение свободы осуществляется главным образом через социальные процессы «освобождения». Функционирование свободы, сопутствующее обретению свободы и следующее за ним, характеризуется в первую очередь соотношением социальных процессов «освобождения» и «закрепощения» в контексте социальных изменений.

В контексте неоднозначности и нелинейности социальных трансформаций обретение свободы не всегда влечет за собой функционирование преимущественно свободы. В функционировании свободы может преобладать несвобода как итог процессов обретения свободы.

Анализ возможностей формирования критериев структурирования обществ на «свободные», «несвободные» и «частично свободные» обладает методологической значимостью для формирования нового концептуального подхода к свободе. Значительное число международных неправительственных организаций (например, Freedom House) структурируют общества в основном по критерию соблюдения гражданских и политических прав, что соответствует англо-американской социально-политической традиции.

Методологически важен вопрос: какая группа прав (гражданские и политические, или же экономические, социальные, культурные, или же права солидарности — коллективные права) в наибольшей степени обеспечивают не только обретение свободы, но и устойчивое функционирование свободы в современном обществе? При этом необходимо учитывать существующее признание в правовом и политическом дискурсах взаимосвязанности и неделимости всех прав человека. Но речь идет о роли различных прав именно в обеспечении свободы в социальных отношениях и взаимодействиях как на уровне ее обретения, так и в контексте ее функционирования в социуме.

Список использованной литературы

1. Достоевский Ф. М. Подросток : [роман] / Ф. М. Достоевский ; предисл. и послесл. Ю. Ф. Карякина ; примеч. Л. И. Сараскиной. — М. : Просвещение, 1988. — 512 с.
2. Панина Н. В. Постсоветская деинституционализация и становление новых социальных институтов в украинском обществе / Н. В. Панина, Е. И. Головаха // Избранные труды по социологии : в трех томах / Н. В. Панина ; сост., ред., вступ. статья Е. И. Головахи. — К. : Факт, 2008. — Т. I. — С. 63–86.
3. Принуждение к занятию конституцией / Торвальдур Гильфасон // Esquire. — Режим доступа : <http://esquire.ru/iceland>

4. Фромм Э. Бегство от свободы / Эрих Фромм ; общ. ред. П. С. Гуревича ; пер. с англ. Г. Ф. Швейника. — М. : Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. — 248 с.
5. Фуко М. Археология знания / Мишель Фуко ; общ. ред. Бр. Левченко ; пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова. — К. : Ника-Центр, 1996. — 208 с.
6. Фуко М. Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году / Мишель Фуко ; отв. ред. А. В. Говорунов ; пер. с фр. А. В. Шестакова. — СПб. : Наука, 2004. — 432 с.
7. Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / Мишель Фуко ; пер. с фр. Е. А. Самарской. — СПб. : Наука, 2005. — 312 с.
8. Bielefeldt H. Menschenwürde. Der Grund der Menschenrechte / Heiner Bielefeldt. — Berlin : Deutsches Institut für Menschenrechte, 2008. — 35 s.
9. Individuelle Freiheit und soziale Gemeinschaft / Hans Georg Schweppenhäuser // Institut für soziale Dreigliederung <http://www.dreigliederung.de/essays/1973-10-001.html> — Режим доступа : www.dreigliederung.de/essays/1973-10-001.html
10. Inklusion // Der Blog der Deutschen Gesellschaft für Soziologie. — Режим доступа : <http://soziologie.de/blog/?p=3233#more-3233>
11. Manza J. How Sociology Lost Public Opinion: A Genealogy of a Missing Concept in the Study of the Political / Jeff Manza, Clem Brooks // Sociological Theory. — 2012. — № 2 (30). — P. 89–113.
12. Rossman G. Close, But No Cigar: The Bimodal Rewards to Prize-Seeking / Gabriel Rossman, Oliver Schilke // American Sociological Review. — 2014. — № 1 (79). — P. 86–108.

Статья поступила в редакцию 11.03.2014

І. О. Дишлевий

кафедра соціальних теорій факультету правової політології та соціології
Національного університету «Одеська юридична академія»
к. 404, вул. Піонерська, 2, м. Одеса, 65009, Україна

ОТРИМАННЯ СВОБОДИ ТА ФУНКЦІОНУВАННЯ СВОБОДИ

Резюме

У статті розглядаються соціальні процеси, що пов'язані з отриманням свободи і функціонуванням свободи в контексті соціальних змін, особливо — модернізаційних. Отримання свободи характеризується через «звільнення» соціальних суб'єктів у формі визнання та реалізації природних прав людини, а функціонування свободи — через «закріпачення» акторів у руслі відповідальності, владного нагляду та контролю. Свобода представляється у своїй соціальній неоднозначності.

Ключові слова: свобода, «звільнення», «закріпачення», «втеча від свободи», соціальні зміни, форми знання-влади, природні права людини.

I. O. Dyshevyyi

Department of Social Theories, Faculty of Legal Political Science and Sociology,
National University «Odesa Law Academy»,
room 404, Pionerska Street, 2, Odesa, 65009, Ukraine

FINDING OF FREEDOM AND FUNCTIONING OF FREEDOM

Summary

The article deals with social aspects related to finding and functioning of freedom in the context of social changes. The finding of freedom is defined by the «liberation» of social actors in the form of recognition and realization of the fundamental human rights. The functioning of freedom is characterized by the «enslavement» of actors within the context of responsibility, superintendence and control. Freedom presents itself in its social ambiguity.

Key words: freedom, «liberation», «enslavement», «escape from freedom», social changes, forms of knowledge-power, fundamental human rights.